

Друид заворожил своей неожиданной выходкой. Баки бесконечно долгое мгновение смотрел на собственные пальцы между мягких покрасневших губ, на блеск влажного языка, которым друид щекотно и бесстыдно слизывал семя, и вдруг словно очнулся — и резко отнял руку, отстранился, прижимая сжатые в кулак мокрые пальцы к груди. Под кулаком бешено колотилось сердце.

— Не надо, — с обидой в голосе прохрипел Баки. — Ты не... я только делаю то, что сказала колдунья.

Стив облизнул губы по кругу, да так сделал это, что вроде опавший член снова дёрнулся. Баки злило это до ужаса: словно друид не понимал, по какому тоненькому льду ходит.

— Я знаю, — негромко ответил Стив. — Зачем? — он снова привстал на локти и теперь повернул голову немного набок, уставившись своими большими глазищами, в которых танцевали отблески из очага.

— Что — зачем? — растерялся Баки.

— Зачем ты делаешь всё это для меня? Ты мог бы оставить меня и уйти в деревню. Ты хороший охотник. Тебя бы приняли.

Баки почувствовал, как под растрёпанными космами приливает к ушам горячая кровь. Он очень хорошо помнил, как боролся с похожими мыслями. И победил их. И он не собирался оправдываться сейчас перед друидом.

— Делаю, потому что хочу.

— Ты берёшь козье молоко у Хелги, в деревне на северо-востоке отсюда. Потому что все остальные поселения очень далеко. Ты бы не смог добраться без лошади.

Баки не ответил. Зачем подтверждать очевидное? Только хмуро буравил разговарившегося друида взглядом и невольно прислушивался к звучанию голоса — чистого, как вешние воды.

— В деревне есть лошади. Если будешь продавать дичь, а не выменивать на горшок молока, сможешь однажды взять лошадь и уехать. Вернуться к своим. Почему ты ещё тут?

Баки подумал, что голосом Стива его сейчас искушают злые духи, и на самом деле друид говорит сейчас что-то совсем другое, а Баки слышит то, что хочет слышать. Он резко затряс головой, надеясь избавиться от чародейства.

— Зачем ты тут? — Стив спросил это, повысив голос, и его брови скорбно сошлись над переносицей.

— Потому что моя жизнь — твоя, — честно ответил Баки после мгновения тишины. Он понимал, что друид не поверит ему. Что будет что-то думать своё, сочинять. Он не знал, как избавиться от вечно висевшей между ними недоговорённости.

— Потому что твоя жизнь — моя, — жестоко подтвердил Стив, поджимая губы. От его взгляда, прямого и жёсткого, слезились глаза. — Но теперь верно и обратное. Ты давал мне семя и кровь, добровольно замешивая их на молоке. Ты не мог знать, но ты связал нас так крепко, что теперь не распутать это плетение и даже не разрубить железом. Я шёл по этой ниточке, выбираясь из такого далёка, о котором раньше не имел понятия. И вот, я пришёл.

Стив закашлялся и посмотрел на горшок молока, стоящий подле очага. Баки понял не сразу, а потом чуть не опрокинул горшок торопливым движением руки. Он помог друиду напиться и всё с усилием стискивал зубы: хотелось открыться, как сильно он ждал. Как сильно боялся. Как не знал, что делать. Как думал о смерти и о бегстве. Как боролся с самим собой, чувствуя безвольное тёплое тело рядом.

— Ты ещё так слаб, — единственное, что сказал Баки, когда забрал пустой горшок. — Тебе лучше лежать.

Стив коротко кивнул и лёг обратно на шкуру, устало прикрывая тонкие, нежные на вид веки.

— Моё тело едва дождалось меня. И ты едва дождался. Но я здесь, — друид глубоко вздохнул. — Можешь не верить — я знаю о тебе всё теперь. Каждую печаль, каждую радость, каждое желание. Мы теперь как крылья птицы — вроде два, а на деле одно целое, ведь без крыла не улетишь. Но если ты ждёшь, чтобы уйти, не медли больше. Теперь я справлюсь без твоей заботы. Я и раньше не держал тебя. Не знаю, зачем ты увязался за мной.

— А ты зачем вытащил меня? — зло спросил Баки. Он никак не мог взять в толк, чего друид от него хочет добиться. — Или не узнал, измазанного в крови? Оставил бы подыхать там — и дело с концом. Мне недолго оставалось.

Баки сидел так близко к ложу друида и смотрел на ставшее неподвижной маской лицо. Живые морщинки между бровей и на лбу разгладились, словно мальчишка уснул. Но тот неожиданно приоткрыл губы и тихо, но внятно ответил:

— Путь друида — жизнь. Я однажды забыл об этом и поплатился. Больше не забуду.

Вот так. И понимай, как хочешь. Баки вздохнул.

— Никуда я не уйду, — буркнул угрюмо. И подумал про себя: «Ни сейчас, ни потом. До самого конца».

У него ещё были дела на улице, и, пока он отползал от ложа друида, успел заметить: мягкие

губы изогнулись едва заметно, пока друид не отвернулся от него к стенке и не спрятал лицо.

Так и стали жить дальше, весну ждать. По ночам холод никак не отпускал, и иногда, когда слышал, что друид стучит зубами, Баки приходил под его шкуру и грел до утра, как мог. Стив больше не шарахался, даже по утрам, когда плоть Баки невольно восставала и упиралась ему то в бедро, то между ягодиц. А однажды Баки почувствовал, если ему не примерещилось, что он рукой случайно коснулся совсем не мягкого естества Стива, и посчитал это за хороший знак: если начала откликаться плоть, значит, скоро и ноги пойдут.

Поляна вокруг землянки, разумно устроенной у подлеска на небольшом холме, первая очистилась от снега и просохла. Дни стояли погожие, солнечные, и облака по небу бежали свежие и чистые, словно недавно родившиеся молочные ягнята. Баки каждый день вытаскивал наружу шкуры: и чтобы просушить, напитать солнцем после зимы, и чтобы устроить в них друида, даже когда он не хотел и пытался колотить его кулаками, сопротивляясь. Потом он сидел и щурился под солнечными лучами, недовольный, но скоро оттаивал. Какое-то время просто грелся, подставляя под светило лицо, руки и даже ноги, на что Баки ворчал безудержно. А потом приходила к нему скука, и Стив начинал гонять Баки почём зря: то травы ему принеси из землянки, он перебирать будет, то рубахи, иглу из длинной лососьей кости и моток тонкой шерстяной нити, любовно хранимой в маленьком ларце на деревянной полке. И волчата, устававшие от прыганья вокруг Баки, пока он рубил дрова или пытался стирать что-то в деревянном корыте, поставив его на колоду, ложились рядом со Стивом, часто устраивая головы на его бедре, и дремали, пока тот занимался своим делом. И Баки, тоже весьма занятой, то и дело поглядывал на эту картину, таял быстрее снега; и внутри, прямо слева под рёбрами, он чувствовал, как сжималось что-то до желания зажмуриться. До мурашек по спине и руке, добегающих до самого запястья.

<http://erolate.com/book/3459/83637>